

DOI: 10.15393/j9.art.2020.8042

УДК 821.161.1.09“18”

В. А. Викторovich*Государственный социально-гуманитарный университет
(Коломна, Российская Федерация)*

VA_Viktorovich@mail.ru

«Выяснение таланта» в полемике Н. А. Добролюбова с Ф. М. Достоевским*

Аннотация. В статье анализируется интерпретация романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные», предложенная Н. А. Добролюбовым в статье «Забитые люди» (1861). Особое значение имеет трактовка образов Ивана Петровича, князя Валковского (вводится в научный оборот неизвестный источник его философии эгоизма — «Максимы» Ларошфуко), Нелли и поставленный критиком вопрос о главном герое романа. Диалог согласия автора и критика прерывается в тот момент, когда в силу вступают принятые ими аксиологически противостоящие контексты понимания. Роман прощения / непощения трактуется критиком как роман забитости / протеста. Обнаружив в творчестве Достоевского энергию нравственного и социального нонконформизма, Добролюбов направил ее из «родного» нравственно-социального русла в собственное — социально-нравственное. Полемика критика, создавшего свою версию романа и всего предшествующего творчества писателя, способствовала эстетическому и идейному самоопределению Достоевского.

Ключевые слова: Добролюбов, Достоевский, критика, интерпретация, контексты понимания, аксиология, прощение, герой, тип, характер, протест, конфликт

Об авторе: *Викторovich Владимир Александрович* — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Государственный социально-гуманитарный университет (ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Российская Федерация, 140410).

Дата поступления: 30.01.2020

Дата публикации: 07.07.2020

Для цитирования: Викторovich В. А. «Выяснение таланта» в полемике Н. А. Добролюбова с Ф. М. Достоевским // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 3. — С. 129–143. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8042

Анна Григорьевна Достоевская свидетельствовала: «Для Федора Михайловича всегда было чрезвычайно дорого сочувствие публики, так как она одна только его и поддерживала своим вниманием и сочувствием во все время его литературной деятельности. Критика же (кроме Белинского и Добролюбова,

Буренина) очень мало в те времена сделала для выяснения его таланта: она или игнорировала его произведения, или враждебно к ним относилась» [Достоевская: 304]. Как видим, исключение жена писателя делала лишь для трех критиков, каждый из которых был в свое время литературным противником Достоевского, но вместе с тем каким-то образом послужил «выяснению его таланта». Как это могло произойти, попытаемся рассмотреть на примере знаменитой статьи «Забитые люди» (1861) Н. А. Добролюбова, вспоминая и переосмысливая опыт предшественников ([Тамарченко], [Деркач], [Богданова] и др.) и наш собственный [Викторovich, 1988] (тема «Достоевский и Добролюбов», надо признаться, не слишком-то востребована в последние три десятилетия).

Статья «Забитые люди» писалась Добролюбовым в ответ на обращенную к нему полемическую статью Достоевского «Г. —бов и вопрос об искусстве». Отчасти сочувствуя «утилитаристам» в их пафосе общественной пользы искусства (что точнее можно было назвать ответственностью), Достоевский указал на главную их ошибку: искусство может выразить «общий смысл жизни» (выражение самого Добролюбова) только в том случае, если оно является «органическим целым»¹. В терминологии сформировавшейся уже тогда органической критики, которой явно следовал оппонент Добролюбова, можно сказать, что искомый критиком «смысл» *рождается*, а не *отражается* в творческом сознании художника и следующего за ним читателя. Для осознания этого и необходимо было признать силу эстетических законов, пренебрежительно трактуемых «реальным» критиком. В качестве примера, до чего может дойти «презрение» «искусством и художественностью» (ДЗ0; 18: 91), Достоевский приводит рассуждения Добролюбова из статьи «Черты для характеристики русского простонародья» (1860) о пользе «фактов» личностного протеста героини рассказа М. Вовчок «Маша» даже вопреки «требованиям художественности». «Нелюбовь к крепостному состоянию, — полагает Достоевский, — конечно, может развиваться в крестьянской девушке, да разве так она проявится? Ведь это <...> какая-то книжная, кабинетная строка, а не женщина?» (ДЗ0; 18: 90). Отторжение у него вызывает не

антикрепостническая идея как таковая, а ее фальшивая актуализация в литературном произведении.

Добролюбову нечего было возразить, и он, не отвечая прямо, избрал тактику защиты путем нападения по известному принципу «не лучше ль на себя оборотиться». Он находит, что и новый роман Достоевского «Униженные и оскорбленные» столь же далек от требований художественности, сколь и несчастная «Маша», но точно так же «важен для общества» по выраженному «направлению и смыслу» [Добролюбов: 241]. Отрицание художественности «Униженных и оскорбленных», при всех слабостях романа, было явным перехлестом, но в истории критики такого рода крайности бывают полезны для обнаружения *природы* как самого объекта, так и нападающего субъекта.

Художественно неубедительными, «книжными» представляются Добролюбову четыре главных персонажа романа: Иван Петрович (хотя он «местами недурен»), Наташа, Алеша и князь Валковский. Добролюбов не скрывает своего личного к ним отношения. В искреннее недоумение его приводит альтруизм Ивана Петровича: «Я признаюсь — все эти господа, доводящие свое душевное величие до того, чтобы зазнамо целоваться с любовником своей невесты и быть у него на побегушках, мне вовсе не нравятся. Они или вовсе не любили или любили головою только, и выдумать их в литературе могли только творцы, более знакомые с головою, нежели с сердечную любовью. Если же эти романтические самоотверженцы точно любили, то какие же должны быть у них тряпичные сердца, какие курицы чувства!» [Добролюбов: 230]. Забавно, что в юношеском азарте критик невольно (?) поставил под сомнение человеческие качества не только автора романа (Достоевский — был такой момент в его истории с Марией Дмитриевной Исаевой — хлопотал в пользу счастливого соперника), но и своего старшего друга и единомышленника — Н. Г. Чернышевского, в критической семейной ситуации проявившего готовность уступить свою жену ее любовнику (Добролюбов, к слову сказать, и сам одно время был недалек от роли «третьего нелишнего» в семье Чернышевских). Более того, Чернышевский в романе

«Что делать?» вывел подобного «самоотверженца» (Лопухова) как положительного героя вопреки рекомендации критика-друга.

Чернышевский, как известно, не сошелся с Добролюбовым и в интерпретации «ненатуральной», с точки зрения молодого критика, любви Наташи в «Униженных и оскорбленных»: «...это соединение гордости и силы в женщине с готовностью переносить от любимого человека жесточайшие оскорбления <...> в действительности встречается у женщин очень часто» [Чернышевский: 951]. У Добролюбова, вероятно, был другой опыт, с вершины которого, полагая его всеобщим, он апеллирует к читателю: «Ну, скажите, какое же увлечение, какая любовь при таких отношениях?» [Добролюбов: 233]. Показательно это расхождение двух рационалистов, зависящее не от общей для обоих идеологии, а от различного жизненного опыта и покоящейся на нем аксиологии половой любви: у Чернышевского его рационализм приправлен несколько более обширным представлением о человеческой природе (вступающим в противоречие с исходными постулатами), о чем Добролюбов мог только догадываться. Намек на такую догадку мы находим в словах критика, что художнику открываются «сокровенные пружины», «непонятные часто для логического мышления» [Добролюбов: 234].

Отнеся не понятные ему страсти к «аномалиям», Добролюбов тем не менее готов выслушать по их поводу объяснения писателя, однако не находит их в романе. Он огорчен тем, что Достоевский не показывает процесса зарождения «любви порядочной девушки» к «смердной козявке» Алеше. Критик точно так же хотел бы видеть историю становления характера князя Валковского: «Как и что сделало князя таким, как он есть? <...> ...если у него душа совсем вынута, то каким образом и при каких обстоятельствах произошел этот любопытный процесс?» [Добролюбов: 235]. В назидание романисту приводится наличие художественного генезиса у образов Чичикова, Плюшкина, Обломова. Отсутствие такового делает произведение Достоевского, по убеждению Добролюбова, ниже эстетической критики. В контексте литературной традиции так называемой гоголевской школы, которой критик явно симпатизирует, его претензия к Достоевскому вполне состоятельна,

однако она перестает быть таковой за пределами безоговорочно принятого эстетического канона, то есть в каком-то ином контексте. М. М. Бахтин называет это «контекстами понимания» [Бахтин: 372] (исходный, между прочим, пункт для многих теоретических построений И. А. Есаулова). По наблюдению ученого, «всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами» [Бахтин: 364]. Так Добролюбов соотносит рассматриваемый текст с текстами одобряемой им литературной традиции и обнаруживает зияющую пустоту на месте ожидаемой вершины. Выстроить же новый «контекст понимания» критику мешают в равной степени как его собственная эстетическая установка, так и несовершенство только формирующейся новой художественной реальности, еще не образовавшей своего контекста. Белинский, говоря по поводу рецептивной судьбы Гоголя, остроумно указал на историческую роль «привычки»: толпа читателей «все более и более *привыкала* к его сочинениям, и все, что казалось ей в них странным и резким, со дня на день становилось в ее глазах очень естественным» [Белинский: 125]. Точно так же к художественному миру Достоевского должен был постепенно «привыкнуть» русский (и не только русский) читатель.

Возвращаясь к Добролюбову и выведя за скобки мотив личной мести (неистребимой в анналах литературной полемики), мы можем наблюдать в его статье честную констатацию обманутого читательского ожидания. Таковая констатация, как мы полагаем, была весьма полезна для самого Достоевского в плане его дальнейшего эстетического самоопределения. Кроме того, взгляд желчного критика разглядел действительно слабые места (многословие, повторы и т. д.): при переиздании писатель учел замечания.

Пользуясь преимуществом исторической перспективы и зная того Достоевского, которого не знал автор «Забитых людей», мы понимаем, что «Униженные и оскорбленные» были «романом-прощанием» и вместе с тем «романом-предвестием» [Виноградов: 494], условно говоря, последним социально-психологическим романом писателя, двинувшимся в сторону романа философско-психологического. В этом последнем случае смысловое наполнение персонажа зависело не столько

генетически от социума, сколько напрямую от «бога века сего» (2 Кор. 4:4). Князь Валковский — первый и не вполне совершенный выразитель нового жанра. Он не просто эгоист по натуре, он ревнитель эгоизма, таков высший смысл его трагичной исповеди-издевки перед Иваном Петровичем, в общем-то, не нужной для развития сюжета в его традиционном значении. Валковский предстает здесь апологетом эгоизма без берегов («Всё для меня, и весь мир для меня создан» — Д30; 3: 365), циником по убеждению, а не по «воспитанию». Его устами самоутверждается новый век, с насмешливым презрением разбивший «ветхие скрижали». Источником теоретизирования Валковского обычно называют книгу Макса Штирнера «Единственный и его достояние» (см.: [Серман: 527], [Серман, Буданова: 631–632]), невзирая на отсутствие прямых свидетельств знакомства писателя с указанной книгой. Между тем имеется источник, который Достоевский неоднократно цитировал, — знаменитые и многократно издававшиеся «Максимы» Ларошфуко (François de La Rochefoucauld «Réflexions ou sentences et maximes morales», первое издание — 1665) (см.: [Викторovich, 2019]).

Ларошфуко всем блеском своих остроумных афоризмов убеждал читателя в эгоистической природе человека, скрытой под одеждами общепринятой морали: «1. Ce que nous prenons pour des vertus n'est souvent qu'un assemblage de diverses actions et de divers intérêts (То, что мы принимаем за добродетель, нередко оказывается сочетанием корыстных желаний и поступков) <...>. 12. Quelque soin que l'on prenne de couvrir ses passions par des apparences de piété et d'honneur, elles paraissent toujours au travers de ces voiles (Как бы ни старались скрыть наши страсти под личиной благочестия и добродетели, они всегда проглядывают сквозь этот покров»; перевод по: [Ларошфуко: 151–152]).

А вот что в романе Достоевского говорит князь Валковский: «Вы тоскуете по идеалу, по добродетелям. Но, мой друг, я ведь сам готов признавать всё, что прикажете; но что же мне делать, если я наверно знаю, что в основании всех человеческих добродетелей лежит глубочайший эгоизм» (Д30; 3: 365).

Эгоцентричная антропология эпохи «короля-солнца» пришла ко двору новой «постхристианской» эпохе, превратившись

в сознательно постулируемую жизненную философию. Она парадоксально сомкнулась с просветительским нововерием в спасительность «разумного эгоизма».

«Чего он боится и чему, наконец, верит?» — вопрошает критик о Валковском [Добролюбов: 235], как бы не замечая формирующей этот образ *идеи ничем не ограниченного эгоизма* (у его сына Алеши эта идея уже на антропологическом уровне реализовала себя в спонтанной природе личности). Впрочем, несовпадение «ожидания» критика (у которого были свои резоны) с «предложением» художника в случае «Добролюбов — Достоевский» не всегда предстает в чистом, несмешанном виде. Такова претензия критика, почувствовавшего в князе Валковском «основу романа, зерно его»: «А всматриваясь в изображение этого характера, вы найдете с любовью обрисованное сплошное безобразие, собрание злодейских и цинических черт, но вы не найдете тут человеческого лица... Того примиряющего, разрешающего начала, которое так могуче действует в искусстве, ставя перед вами полного человека и заставляя проглядывать его человеческую природу сквозь все наплывные мерзости...» [Добролюбов: 235]. Заметим, какими словами («примиряющее начало») эстетической критики заговорил здесь Добролюбов. Мы отвергаем предположение, что он делал это в насмешку над своими оппонентами, как считает Г. Е. Тамарченко [Тамарченко: 571], интонация здесь серьезная, да и просветительская антропология проглядывает в противопоставлении чистой «человеческой природы» и «наплывных мерзостей». Любопытно, что относительно фигуры Валковского обнаружилось совпадение мнений основоположников двух противоборствующих течений в русской критике — «реальной» Добролюбова и «органической» Ап. Григорьева. Последний писал Н. Н. Страхову 12 августа 1861 г.: «Что за безобразие и фальшь — беседа с князем в ресторане (князь — это просто книжка!)» [Григорьев: 274]. Мы убеждены в том, что Достоевский творчески воспринял критику, результатом чего было появление новых и более убедительных в своей «полноте» и индивидуальной разности героев, доходящих до цинизма и трагедии эгоизма, — Подпольного (уже с восторгом принятого Ап. Григорьевым),

Свидригайлова, Ставрогина, Федора Павловича Карамазова... Можно с большой долей уверенности предположить, что в данном случае критика романа «Униженные и оскорбленные» сыграла для его автора роль дополнительного стимула для дальнейшего развития зародившейся художественной идеи.

Два критика сошлись в оценке, на сей раз позитивной, еще одного персонажа:

«...характер маленькой Нелли обрисован положительно хорошо, очень живо и натурально очеркнут также и характер старика Ихменева» [Добролюбов: 230].

«Сколько резонанса в Наташе и какая глубина создания Нелли! Вообще, что за мощь всего мечтательного и исключительного и что за незнание жизни!» [Григорьев: 274].

Оба суждения высказаны были совершенно независимо друг от друга, тем интереснее их схождения и расхождения. Общая эстетика «натуральности» / «знания жизни» имеет власть над обоими критиками, но Григорьев способен в придачу оценить «мощь всего мечтательного и исключительного», к чему совершенно глух Добролюбов. Тем не менее именно это качество было чревато движением писателя по «особенному» пути.

В Нелли органический критик узрел «глубину создания», то есть не жизнеподобное отражение, а сотворение новой художественной реальности, несущей в себе глубокую жизненную философию. Стоило бы разобраться в свойствах этой философии, так как Григорьев не объяснил, что означает «глубина создания». В этом, как ни парадоксально, может помочь враждебный ему критик.

К недоумениям эстетического порядка Добролюбов относит еще один сюжетный «провал»: «...пять месяцев, в которые возникла и дошла до своего страшного пароксизма любовная горячка Наташи, не удостоены ни одной страничкой» [Добролюбов: 234]. Это обстоятельство наводит критика на прозорливую догадку: «Как видно, не это интересовало автора, не тут было для него главное дело». Отвечая на вопрос «В чем же?», автор статьи останавливается перед новым недоумением: «Разобрать трудно уже и потому, что действие романа странным и ненужным образом двоится между историей Наташи

и историей маленькой Нелли, чем решительно нарушается стройность впечатления» [Добролюбов: 235]. Представление критика о композиционной стройности здесь явно разошлось с таковым же у автора. Достоевский в «Униженных и оскорбленных» впервые (если не считать незавершенную в качестве романа «Неточку Незванову») опробовал романную композицию параллельных структур, трансформирующих общую художественно-философскую субстанцию. В последующих романах Достоевского принцип вариативности («двоение», по слову критика) получит значительное развитие. Что же касается «Униженных и оскорбленных», то история Нелли, ее матери и старика Смита впечатляюще резонирует с историей Наташи и ее отца, создавая взрывной эмоциональный контрапункт в сцене провокативного рассказа Нелли и последовавшего за ним примирения отца и дочери Ихменевых. Эффектность этой сцены имеет, несомненно, мелодраматический характер, предопределяя известный читательский успех романа (пять прижизненных изданий, впоследствии не менее частотных). Старый Смит трагически опоздал с прощением заблудшей дочери — старик Ихменев, напротив, смог переломить отцовский эгоизм благодаря рассказу Нелли. Произошло как бы пересечение параллельных сюжетных линий в художественном измерении романа, в результате чего духовная энергия *прощения* на наших глазах вытеснила столь же могучую энергию *непрощения*.

Однако именно этот смысл романа оказался далеким от ожиданий узко социально ориентированного критика и потому — не прочитанным им. По-своему глубоко — с избранной им точки зрения — проанализировав творческий путь писателя, Добролюбов отнес его к «гуманическому направлению». По его наблюдению, Достоевский «в забитом, потерянном, обезличенном человеке <...> отыскивает и показывает нам живые, никогда незаглушимые стремления и потребности человеческой природы, вынимает в самой глубине души запертый протест личности против внешнего, насильственного давления...» [Добролюбов: 248].

Роман *прощения* / *непрощения* критик прочитал — в связке со всем предшествующим творчеством писателя — как

роман *забитости / протеста* личности. Есть ли в романе и в творчестве Достоевского прочитанный критиком смысл? Разумеется, есть, но в иной динамике.

В свое время был предложен удачный термин «спектр адекватности» [Есаулов, 1995], подразумевавший некий общий культурный контекст, в котором пребывают автор и читатель (тот же критик) и который позволяет им адекватно воспринимать друг друга. Примером аксиологического несхождения критика и писателя (оказавшегося, впрочем, весьма полезным для творческого самоутверждения последнего) может послужить интерпретация «Униженных и оскорбленных» Добролюбовым как «Забитых людей». В заданном им семантическом поле довольно характерно прочтение кульминационной сцены с «пуговкой» в романе «Бедные люди». Напомним, что сцена эта заканчивается актом братского милосердия, проявленного его превосходительством, и «потрясением» Девушкина: «Этим поступком они мой дух воскресили» (Д30; 1: 93). Ни о каком «воскресении» у Добролюбова нет и речи, здесь он явно идет вслед Белинскому, который так прочитал эту, в его представлении, «страшную сцену»: «И сколько потрясающего душу действия заключается в выражении его благодарности, смешанной с чувством сознания своего падения и с чувством того самоунижения, которое бедность и ограниченность ума часто считает за добродетель!..» [Белинский: 138]. Добролюбов как будто развивает сказанное предшественником (вот где на поверхность выходит магистральная «гуманическая» идея, объединяющая обоих критиков!): «В этих излияниях душевных (на счет «воскресения». — В. В.) вы видите доброту, чувствительность, благородство, если хотите — даже утонченную деликатность Макара Алексеича; но согласитесь, что ведь вам жалко то унижение, в какое он ставит себя, и только сила сострадания прогоняет в вас то чувство отвращения, которое иначе невольно возбудилось бы в вас таким искажением человеческой природы...» [Добролюбов: 250]. Показательно обращение к читателю, который, по *искреннему* убеждению критика, не может не согласиться с ним в его представлении о «человеческой природе». Так далеко разошлись контексты понимания автора и критика,

персонифицирующего определенный контингент читателей. То, что для одних — реальное воскресение личности под воздействием животворящего духа братства и милосердия, для других — «полное признание своего ничтожества» [Добролюбов: 250], разумеется, в перспективе спасения «ничтожных» грядущими и уже не «забытыми» личностями, «имеющими в себе достаточную долю инициативы» [Добролюбов: 275]. Первый ценностный контекст предполагает «внутреннее прозрение», а второй — «внешнее воздействие на действительность», как по другому поводу сформулировано исследователем [Есаулов, 2017: 180].

Добролюбов, обзорев произведения Достоевского от «Бедных людей» до «Униженных и оскорбленных», вольно или невольно демаркировал границу диалога согласия, который еще был возможен между радикальным «Современником» и почвенническим «Временем». Возможен до момента предпочтения магистральной ценности из двух ситуативно равнодействующих (*протест vs прощение*); до этого момента они шли вместе, но после сделанного надситуативного выбора пути их кардинально расходились. Обнаружив в творчестве автора «Униженных и оскорбленных» близкий ему заряд нравственного и социального неконформизма, Добролюбов направил его из «родного» *нравственно-социального* русла в собственное — *социально-нравственное*. Таким образом, для «выяснения таланта» Достоевского статья «Забитые люди» действительно имела важное значение и в том, что «сказал» критик, и в том, что у него «сказалось».

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90012 («Ф. М. Достоевский в русской критике. 1845–1881»).

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 18. С. 93, 94. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *ДЗ0* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

Список литературы

1. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — С. 361–373.
2. Белинский В. Г. Петербургский сборник // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. — М.: Худож. лит., 1982. — Т. 8. — С. 121–156.
3. Богданова О. А. Н. А. Добролюбов и Ф. М. Достоевский: Мировоззрение, контакты, судьба // В мире Добролюбова: сб. ст. — М.: Советский писатель, 1989. — С. 341–366.
4. Викторovich В. А. Добролюбов и Достоевский: диалог о русской литературе // Н. А. Добролюбов и русская литературная критика. — М.: Наука, 1988. — С. 95–113.
5. Викторovich В. А. Остроумие Достоевского // Викторovich В. А. Достоевский. Писатель, заглянувший в бездну. — М.: Rosebud Publishing, 2019. — С. 134–139.
6. Виноградов И. И. Роман-прощание, роман-предвесье // Виноградов И. И. Духовные искания русской литературы. — М.: Русский путь, 2005. — С. 478–494.
7. Григорьев А. А. Материалы для биографии / под ред. В. Княжнина. — Пг., 1917. — 468 с.
8. Деркач С. С. Добролюбов и Достоевский // Н. А. Добролюбов — критик и историк русской литературы. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. — С. 97–131.
9. Добролюбов Н. А. Забытые люди // Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. — М.; Л.: ГИХЛ, 1963. — Т. 7. — С. 225–275.
10. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступит. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. — М.: ООО «БОС-ЛЕН», 2015. — 768 с.
11. Есаулов И. А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н. В. Гоголя). — М.: РГГУ, 1995. — 102 с.
12. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во РХГА, 2017. — 550 с.
13. Ларошфуко Ф. Мемуары. Максимы. — М.: Наука, 1993. — 281 с. (Сер. «Литературные памятники»)
14. Серман И. З. [Комментарий к роману «Униженные и оскорбленные»] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972. — Т. 3. — С. 520–533.
15. Серман И. З., Буданова Н. Ф. [Комментарий к роману «Униженные и оскорбленные»] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. — СПб.: Наука, 2014. — Т. 3. — С. 614–644.
16. Тамарченко Г. Е. [Комментарий к статье «Забытые люди»] // Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. — М.; Л.: ГИХЛ, 1963. — Т. 7. — С. 570–572.
17. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. — М.: Гослитиздат, 1950. — Т. 7: Статьи и рецензии 1860–1861. — 1095 с.

Vladimir A. Viktorovich

State Socio-Humanitarian University
(Kolomna, Russian Federation)

VA_Viktorovich@mail.ru

“Investigation of Talent” in the Debate of Nikolay Dobrolyubov with Fedor Dostoevsky

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90012.

Abstract. The article analyzes the interpretation of F. M. Dostoevsky’s novel *Humiliated and Insulted*, proposed by N. A. Dobrolyubov in his essay *Downtrodden people* (1861). The interpretation of the images of Ivan Petrovich, Prince Valkovsky (an unknown source of his philosophy of egoism, La Rochefoucauld’s *Maxims*, is introduced into scientific circulation), Nelly is of particular importance, as well as the question posed by the critic about the main character of the novel. The mutual understanding between the author and the critic comes to an end when their axiologically opposed contexts of understanding come into force. The novel of forgiveness / unforgiveness is interpreted by the critic as the novel of downtroddenness / protest. Having discovered the energy of moral and social nonconformism in Dostoevsky’s novel, Dobrolyubov redirected it from the “native” moral and social channel to his own, social and moral, one. The essay of the critic who created his own version of the novel and writer’s previous works, thereby contributed to the aesthetic and ideological self-determination of Dostoevsky.

Keywords: Dobrolyubov, Dostoevsky, criticism, interpretation, contexts of understanding, axiology, forgiveness, hero, type, character, protest, conflict

About the author: *Viktorovich Vladimir A.* — Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Literature, State Socio-Humanitarian University (ul. Zelenaya 30, Kolomna, 140410, Russian Federation)

Received: January 30, 2020

Date of publication: July 7, 2020

For citation: Viktorovich V. A. “Investigation of Talent” in the Debate of Nikolay Dobrolyubov with Fedor Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 3, pp. 129–143. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8042 (In Russ.)

References

1. Bakhtin M. M. More on the Methodology of the Humanities. In: *Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Bakhtin M. M. Aesthetics of Verbal Creation]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 361–373. (In Russ.)
2. Belinskiy V. G. St. Petersburg Digest. In: *Belinsky V. G. Sobranie sochineniy: v 9 tomakh [Belinsky V. G. Collected Works: in 9 Vols]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982, vol. 8, pp. 121–156. (In Russ.)

3. Bogdanova O. A. N. A. Dobrolyubov and F. M. Dostoevsky: Worldview, Contacts, Fate. In: *V mire Dobrolyubova: sbornik statey [In the World of Dobrolyubov: Collection of Articles]*. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1989, pp. 341–366. (In Russ.)
4. Viktorovich V. A. Dobrolyubov and Dostoevsky: A Dialogue About Russian Literature. In: *N. A. Dobrolyubov i russkaya literaturnaya kritika [N. A. Dobrolyubov and Russian Literary Criticism]*. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 95–113. (In Russ.)
5. Viktorovich V. A. Ingenuity of Dostoevsky. In: *Viktorovich V. A. Dostoevskiy. Pisatel', zaglyanuvshiy v bezdnu [Viktorovich V. A. Dostoevsky. The Writer Who Looked into the Abyss]*. Moscow, Rosebud Publishing, 2019, pp. 134–139. (In Russ.)
6. Vinogradov I. I. A Farewell Novel, the Novel of Presage. In: *Vinogradov I. I. Dukhovnye iskanija russkoy literatury [Vinogradov I. I. Spiritual Searches of Russian Literature]*. Moscow, Russkiy put' Publ., 2005, pp. 478–494. (In Russ.)
7. Grigor'ev A. A. *Materialy dlya biografii [Materials for Biography]*. Petrograd, 1917. 468 p. (In Russ.)
8. Derkach S. S. Dobrolyubov and Dostoevsky. In: *N. A. Dobrolyubov — kritik i istorik russkoy literatury [N. A. Dobrolyubov, Critic and Historian of Russian Literature]*. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1963, pp. 97–131. (In Russ.)
9. Dobrolyubov N. A. Downtrodden People. In: *Dobrolyubov N. A. Sobranie sochineniy: v 9 tomakh [Dobrolyubov N. A. Collected Works: in 9 Vols]*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1963, vol. 7, pp. 225–275. (In Russ.)
10. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya. 1846–1917 [Memoirs. 1846–1917]*. Moscow, Boslen Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
11. Esaulov I. A. *Spektr adekvatnosti v istolkovanii literaturnogo proizvedeniya («Mirgorod» N. V. Gogolya) [The Spectrum of Adequacy in the Interpretation of a Literary Work (N. V. Gogol's "Myrgorod")]*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1995. 102 p. (In Russ.)
12. Esaulov I. A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie [Russian Classics: New Understanding]*. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2017. 550 p. (In Russ.)
13. La Rochefoucauld F. *Memuary. Maksimy [Memoirs. Maxims]*. Moscow, Nauka Publ., 1993. 281 p. (Ser. «Literaturnye pamyatniki») (In Russ.)
14. Serman I. Z. Commentaries on the Novel “Humiliated and Insulted”. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972, vol. 3, pp. 520–533. (In Russ.)
15. Serman I. Z., Budanova N. F. Commentaries on the Novel “Humiliated and Insulted”. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 35 tomakh [Dostoevsky F. M. The Complete Works and Letters: in 35 Vols]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014, vol. 3, pp. 614–644. (In Russ.)

-
16. Tamarchenko G. E. Commentaries on the Essay “Downtrodden People”. In: *Dobrolyubov N. A. Sobranie sochineniy v 9 tomakh* [*Dobrolyubov N. A. Complete Works: in 9 Vols*]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1963, vol. 7, pp. 570–572. (In Russ.)
 17. Chernyshevskiy N. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 tomakh* [*The Complete Works: in 15 Vols*]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1950, vol. 7: Articles and Reviews 1860–1861. 1095 p. (In Russ.)